

Памяти моей мамы,
которая успела
услышать строки
этой книги

Ведущий обозреватель «Спорт-Экспресса» Игорь Рабинер пишет об НХЛ уже четверть века. Зная его любовь к этой лиге и ее героям, я не сомневался, что рано или поздно он напишет о них отличную книгу.

Но книга получилась не о лиге. И даже не о хоккее. Она – о людях и судьбах. О том, как простые российские мальчишки превращаются в мировых суперзвезд. О том, сколько для этого приходится пройти им самим и их родителям. О том, что слава и миллионы в НХЛ достаются через преодоление.

Вас ждут увлекательные семь историй, прочитав которые, вы поймете, что в жизни нет ничего невозможного.

МАКСИМ МАКСИМОВ

Главный редактор

Игорь
Рабинер

ОВЕЧКИН МАЛКИН КУЧЕРОВ

РУССКИЕ ДОРОГИ
К ХОККЕЙНОЙ
МЕЧТЕ

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва 2022

УДК 796.966:929

ББК 75.579

P12

Рабинер, Игорь Яковлевич.

P12 Овечкин, Малкин, Кучеров. Русские дороги к хоккейной мечте / Игорь Рабинер. — Москва : Эксмо, 2022. — 384 с. + вкл.

ISBN 978-5-04-120716-8

Игорь Рабинер пишет об НХЛ с 1990-х и знаком со всеми нашими героями. В канун Олимпиады «Бомбора» выпускает его книгу в двух томах о фантастических судьбах российских звезд, которые по сей день доминируют в НХЛ.

Книга, которая должна вдохновить новые поколения юных хоккеистов, их родителей на то, чтобы попытаться повторить подвиги героев этой книги.

УДК 796.966:929

ББК 75.579

ISBN 978-5-04-120716-8

© Рабинер И.Я., 2021

В оформлении обложки использованы фотографии:

© Mark LoMoglio, Len Redkoles / National Hockey League / GettyImages.ru;

© Bruce Bennett / GettyImages.ru

Во внутреннем оформлении использованы фотографии:

© Scott Audette, David Becker, Joe Sargent / National Hockey League / GettyImages.ru;

© Justin K. Aller / Getty Images Sport / GettyImages.ru;

© Icon Sportswire / GettyImages.ru;

© Владимир Федоренко, Антон Денисов, Андрей Серебряков, Алексей Филиппов, Рамиль Ситдилов, Алексей Куденко, Владимир Песня, Григорий Сысоев / РИА Новости;

© Савинцев Федор, Сергей Фадеичев / Фотохроника ТАСС;

© AdMedia via ZUMA Wire / Фотохроника ТАСС

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие Игоря Ларионова	7
Александр Овечкин РУССКИЙ БОГ ВАШИНГТОНА.....	11
Евгений Малкин ПОБЕГ К ТРЕМ КУБКАМ СТЭНЛИ	167
Никита Кучеров «ДАЖЕ ЕСЛИ НЕНАВИЖУ ПАРТНЕРА — ОТДАМ ПАС И ПОПЫТАЮСЬ ОТКРЫТЬСЯ»	291

Предисловие

ВСЕГДА ПРИЯТНО, КОГДА ЛЮДИ НЕ ИЩУТ
ЛЕГКИХ ПУТЕЙ. ГОРЖУСЬ ЭТИМИ ПАЦАНАМИ!

ГОРЬКО ПРИЗНАТЬ, но мы не умеем так ценить свою хоккейную историю и ее героев, как Северная Америка. По ту сторону океана все, кто более или менее интересуются этим видом спорта, прекрасно знают, какой путь прошли Бобби Orr, Уэйн Гретцки, Бобби Халл, Марио Лемье и другие кумиры разных поколений. Об этом изданы сотни книг, биографий и автобиографий, выпущено множество фильмов.

У нас о хоккее также написано немало — но почему-то не о выступлениях российских хоккеистов в сильнейшей лиге мира, единственной на протяжении многих лет, которая ведет мировой хоккей вперед. Лиге, в которой марфонский путь к главному трофею, Кубку Стэнли, мало с чем сравним по сложности в мировом спорте вообще. Лиге, которую можно считать образцом и в спорте, и в интересе публики, и в ведении спортивного бизнеса.

Поэтому я рад, что Игорю Рабинеру, уважаемому мною журналисту, который пишет об НХЛ уже четверть века и с которым мы записали немало интересных бесед, пришла в голову эта отличная идея — написать о судьбах лучших российских хоккеистов НХЛ наших дней. Если у них самих не было возможности хорошо знать, через что прошли их предшественники, так пусть этот шанс будет хотя бы у сле-

дующего поколения юных игроков, у их родителей и болельщиков.

Глядя на российских звезд современной НХЛ, часто ловлю себя на ощущении, что горжусь этими пацанами. Всегда приятно, когда молодые не ищут легких путей. Это ведь очень сложно для любого игрока — выйти из зоны комфорта, поехать за границу и твердо идти к своей мечте. И особенно — в итоге ее достичь, что удалось далеко не всем уехавшим, но удалось каждому из героев этой книги. Многим приходится прорываться через канадские юниорские лиги, клубы АХЛ, и решиться на это — непростой поступок. Любая такая дорога терниста, и ее надо ценить.

Нам, первому поколению еще советских энхаэловцев, было куда труднее. Мы все уезжали гораздо позже, когда нам было около тридцати, и тем сложнее были проблемы адаптации, связанные с языком, мировоззрением, укладом жизни — другими, непривычными для нас. В то время происходил исторический перелом от Советского Союза к России, и мы привыкли жить совсем иначе.

К тому же все считали, что мы уезжаем, находясь на излете карьер. Но работа с такими потрясающими тренерами и менеджерами, как Скотти Боумэн, которые не заглядывают людям в паспорт, а наоборот, ценят опыт и игровую мудрость, позволила многим из нас здорово продлить свой хоккейный век. Например, Слава Фетисов доиграл до 40 лет, победив в двух Кубках Стэнли, а я закончил играть в 43, выиграв три Кубка.

И теперь мне очень приятно наблюдать за тем, как это делают другие, причем россияне из года в год находятся среди победителей на ведущих ролях. В последних двух сезонах это удалось Никите Кучерову, Андрею Василевскому и Михаилу Сергачеву. Понятно, что хоккей — командный вид спорта, и ни одному хоккеисту, как бы блестяще он ни играл, Кубка Стэнли не выиграть. Это может сделать только коллектив. Но здорово, когда наши ребята в нем не только присутствуют, но и солируют.

В июне 2021-го у меня раздался звонок с незнакомого номера, и хотя обычно в таких случаях не беру трубку, на этот раз что-то подтолкнуло меня это сделать. Звонил Никита Кучеров — прямо из чемпионской раздевалки «Тампы». Мы не были знакомы, никогда прежде не общались — тем неожиданнее это было. Я услышал от него много теплых слов, в том числе о том, какую роль в его увлечении хоккеем в детстве сыграла игра нашей Русской Пятерки в «Детройт Ред Уингз».

Конечно, мне было очень приятно, поскольку я почувствовал — эти парни понимают, где их корни. Точно так же я сам когда-то в молодости был благодарен Валерию Харламову, Владимиру Шадрину, Александру Якушеву, Анатолию Фирсову и многим другим мастерам предыдущих поколений. Нынешние ребята, может, во многом и другие, что логично в новые времена. Но, с другой стороны, этот звонок показал, что в чем-то они и такие же, как мы. Так же любящие хоккей. Так же имевшие в детстве кумиров. Так же стремящиеся быть лучшими.

Таков Саша Овечкин, с которым я немножко поработал, когда ему было всего четырнадцать лет. Его амбициозность, целеустремленность и спортивный характер не вызывали сомнений уже тогда. Доводилось общаться также с Женей Малкиным, с Володей Тарасенко, которые произвели на меня очень приятное впечатление. С остальными героями книги лично не знаком, только слежу за ними по матчам и интервью. Но умная игра того же Кучерова и Артемия Панарина напоминает мне о лучших традициях нашего хоккея.

Сейчас у нас многие скатываются в пропаганду, настаивая на том, чтобы хоккеисты из России не уезжали в НХЛ. Но мы не можем вернуться во времена СССР, когда отъезд за океан был вовсе запрещен. Мы должны быть частью цивилизованного мира, и если уж в НХЛ едут из многих не самых хоккейных государств — Словении, Швейцарии, Германии, Франции, — то в стране с такими традициями этой игры, как Россия, тем более нельзя сковывать людей

Предисловие

цепями, которые будут удерживать их от отъезда туда, где играют все лучшие.

Другое дело, что нужно умно выстроить систему взаимоотношений с НХЛ. Мы считаем себя передовой хоккейной державой в мире, что давно уже, к сожалению, не так. Но такая самооценка не позволила нам заработать на отъезде в НХЛ наших игроков серьезные деньги, которые пошли бы на оплату непростого труда детских тренеров и современного оснащения хоккейных школ. И соответственно на воспитание новых талантов.

Люди, о которых написал Рабинер, держат на высоте марку нашего хоккея. Они заслуживают книг и фильмов. Сам я пока не пошел на то, чтобы рассказать о своем энхаэловском опыте с книжных страниц — время для этого, надеюсь, еще впереди. А пока с удовольствием почитаю об Овечкине, Малкине, Кучерове, Панарине, Василевском, Тарасенко и Бобровском.

И, конечно, пожелаю им успеха на Олимпиаде в Пекине. Олимпийские игры — единственное соревнование на уровне сборных, которое двигает хоккеем вперед. Речь, конечно, только о том формате, когда в них участвуют все сильнейшие. Хоккей развивается только когда лучшие играют против лучших. И если на молодежном уровне такие турниры происходят каждый год, то у взрослых национальных команд в феврале 2022 года это случится впервые за восемь лет. С огромным нетерпением жду этого турнира. И речь не только о том, чтобы добиться результата, но и о наслаждении хоккеем топ-уровня.

Удачи, парни!

*Игорь ЛАРИОНОВ,
трехкратный обладатель Кубка Стэнли,
двукратный олимпийский чемпион,
четырёхкратный чемпион мира,
член Зала хоккейной славы в Торонто*

Александр
ОВЕЧКИН

8

Александр Михайлович ОВЕЧКИН

Родился 17 сентября 1985 года в Москве. Левый нападающий. Воспитанник московского «Динамо».

Клубная карьера

2001–2005, 2012–2013 — «Динамо» (Москва)

2005 — н.в. — «Вашингтон Кэпиталз»

Командные достижения

ЧЕМПИОНАТЫ МИРА:

Золото — 3 (2008, 2012, 2014). Серебро — 2 (2010, 2015).

Бронза — 4 (2005, 2007, 2016, 2019).

МОЛОДЕЖНЫЙ ЧЕМПИОНАТ МИРА:

Золото: 2003. Серебро: 2005

Чемпион России: 2005

Кубок Гагарина: 2013

Кубок Стэнли: 2018

Личные достижения

«Колдер Трофи»: 2006

«Морис Ришар Трофи» (9, рекорд): 2008–2009, 2013–2016, 2018–2020

«Харт Трофи» (3): 2008, 2009, 2013

«Тед Линдсей Эворд» (3): 2008–2010

«Арт Росс Трофи»: 2008

«Конн Смайт Трофи»: 2018

Участник «Матча всех звезд НХЛ» (11): 2007–2009, 2011, 2012, 2015–2020

Обладатель множества рекордов и достижений НХЛ — девятикратный лучший снайпер регулярного чемпионата, единственный обладатель четырех индивидуальных трофеев в одном сезоне, самый титулованный европеец по количеству индивидуальных призов, первое место по количеству голов в овертайме, наибольшее количество голов среди левых нападающих, первый европеец, забивший 50+ голов в восьми сезонах, второе место в истории НХЛ по голам за один клуб, первое место среди российских игроков по количеству очков в НХЛ и др.

РУССКИЙ БОГ ВАШИНГТОНА

— **Н**ЕМНОЖКО ПОПЛАКАЛИ. И сильно порадовались. Ведь сбылась Сашина мечта!

За тремя лаконичными фразами Татьяны Овечкиной, мамы великого российского спортсмена, стоит не просто реакция — ее и мужа — на долгожданный выигрыш сыном Кубка Стэнли 7 июня 2018 года.

За ними стоит вся их жизнь.

В Лас-Вегас, где «Вашингтон Кэпиталз» одержал над местным «Голден Найтс» последнюю победу в финальной серии, Овечкины-старшие не летали.

— Я уж налеталась, — машет рукой Татьяна Николаевна.

Они остались в Вашингтоне, где проводят с сыном каждый плей-офф. Александр Великий, как всегда, позвонил ей за три часа до игры. Эта неизбежная традиция соблюдается с юности Ови, вне зависимости от того, кто из них в какой точке земного шара находится и в какое время начинается матч.

Сын прилетел к родителям сам. С Кубком. И была красивая домашняя вечеринка. К Овечкиным приехала вся русская диаспора «Кэпиталз».

— С Женей Кузнецовым и Димой Орловым, нашими хорошими ребятами, Саша с Настей дружат семьями. И все незнамо сколько раз фотографировались с трофеем.

А Санька аж спал с этим Кубком! — улыбается мама. — Он у нас такой эмоциональный!

Когда родители чуть позже расскажут, что в детстве Овечкин спал с клюшками и шайбами, я пойму, что круг замкнулся.

Много лет назад Татьяна Николаевна, баскетболистка, как сейчас сказали бы, топ-уровня, внушала маленькому Саше: «Если быть в спорте — значит, быть первым. Вторым, третьим — это не про нашу семью. А уж если в середине болтаться — так вообще в спорт лучше не идти. Поэтому, если хочешь быть спортсменом, запомни: ты должен быть первым во всем!»

Недаром мама говорит, что Александр всегда все усваивал быстро.

* * *

Мы говорим с Михаилом Викторовичем, или дядей Мишей, как его знает весь российский хоккейный мир, о славе его сына. Я завожу речь о том, что для фото с Александром в раздевалку «Вашингтона» приходили Лео Месси и Коби Брайант.

— А еще — Майк Тайсон и Сергей Карякин, — добавляет папа.

— Вообще, вы верите, что ваш сын — легендарный? Когда он рос, вы могли себе такое представить?

Овечкин-папа строг:

— Легендарная у меня жена. А сын будет легендарным, когда выиграт Олимпийские игры.

Вот так. У Овечкиных не забалуешь. Ни раньше, ни сейчас.

Татьяна Овечкина — двукратная олимпийская чемпионка по баскетболу (Монреаль-76 и Москва-80), победительница мирового первенства и многократная чемпионка Европы. А когда пробил миллениум и подбивались итоги

столетия, ее объявили лучшей разыгрывающей в истории женского баскетбола XX века!

Сашу она родила через три года после окончания карьеры игрока, но еще много лет была и главным тренером ЖБК «Динамо», с которым четырежды выиграла чемпионат России, и президентом клуба — им остается до сих пор. И когда в конце 2018-го я спросил, больше ли времени она проводит у Александра в Вашингтоне после рождения внука, услышал: «Рождение Сережки — конечно же, очень большое событие для нашей семьи. Я была там, когда это произошло. И на Новый год, конечно, собираюсь в Вашингтон — побыть с внуком, увидеть Сашу и Настю».

Но работа есть работа — тем более любимая. С таким-то сыном мама Овечкина, человек уже не юный, могла бы уже много лет назад забыть о том, что нужно ездить в офис, решать миллион клубных проблем, вести переговоры. Однако курортная, беззаботная жизнь — не для нее. Она живет своим «Динамо», которому отдала более полувека. Поэтому, когда звонишь Татьяне Николаевне в рабочее время, чаще всего она вся в делах и заботах. Но трубку, кстати, снимает всегда!

— Саша очень целеустремленный парень, — отвечает Татьяна Николаевна, когда я спрашиваю о том, как повлияли ее гены на карьеру Александра. — Он по-настоящему спортивный. Хотя у меня все было несколько по-другому, чем у него. Даже не так — все было по-другому. Я вообще случайно оказалась в спорте. А Саша уже родился с хорошими генами: и папа спортсмен, и мама, и бабушка, и мой брат с сестрой.

Насчет того, что Татьяна Николаевна стала спортсменкой случайно, — это она сильно поскромничала. Попастъ в первом классе школы под машину, пролежать в больнице полгода и чудом избежать ампутации ноги, а потом стать лучшей разыгрывающей столетия — это, выходит, дело случая?! По-моему, это результат характера. Который Александру Великому по наследству и передался.

Мама Овечкина соглашается, но, по-моему, нехотя:

— Да, это только на характере. Благодаря спорту я вообще живу и хожу. Я должна была просто-напросто стать инвалидом. Как у меня нога-то осталась? Спорт дал мне все, что сейчас имею. И семью, и детей, и уважение. Благодарна судьбе, что в моей жизни было и есть общество «Динамо». А Саша просто брал с меня пример. Во всех интервью потом говорил, что решил стать спортсменом, видя, какой была я. И чтобы достичь таких же высот. Он даже восьмой номер взял, потому что я под ним играла.

Татьяне Николаевне меньше всего нравится расписывать свои спортивные и материнские подвиги, да и вообще давать интервью. Мне помог навести мосты самый близкий к семье Овечкиных хоккейный журналист в России — Павел Лысенков, которому всегда буду за это благодарен. Но, уже даже согласившись, перед самым началом разговора она предприняла еще одну попытку уклониться:

— Послушайте, это вам очень надо? Столько ведь написано про Сашу! Это уже неприлично, честное слово!

Я в ответ выдал монолог, суть которого сводилась к следующему: ее сын стал кумиром и образцом для подражания для стольких людей, и в частности детей, и добился в спорте такого, что писать о нем в любых объемах — абсолютно прилично. Тем более в конце года, когда Саша впервые в жизни выиграл Кубок Стэнли.

— Да, это, конечно, один из самых счастливых годов в жизни, — согласилась она. — Саша добился того, о чем мечтал с самого начала карьеры.

— Даже странно, что до сих пор не появилась его автобиография, — заметил я. — Ею зачитывались бы и по всей России, и в Вашингтоне.

— Господи, ну хватит вам! — воскликнула Татьяна Николаевна. — Какая автобиография?! И так про Сашу пишут столько, что даже стыдно перед другими ребятами. Я сама очень редко даю интервью, и одно время Саше тоже запре-

щала. Говорила журналистам: «Вам что, зарплату не выпла-
тят, если про него не напишете? Ну хватит, дайте парню
играть!» Книгу еще придумали... Придет время — может,
и напишет автобиографию. Всему свое время. Пока играть
надо. Победами и голами все говорить.

«Стыдно перед ребятами». Эти слова дают представ-
ление о том, какое у Овечкина было воспитание. Воспи-
тание от строгого советского человека, который рос на
Хорошевке в бараке для рабочих, где на пятьдесят комнат
была одна уборная. Отец Татьяны Николаевны был шо-
фером и не вылезал из-за баранки, мать с утра до вечера
вкалывала на фабрике. Жизнь для мамы Александра не
была сахаром никогда, а уж после операции в детстве,
многих месяцев в больнице, едва не потерянной ноги —
тем более.

Я спросил Татьяну Николаевну, что чаще получал ее
сын в детстве от родителей — похвалу или критику. И ее
ответ меня совершенно не удивил:

— Честно говоря, я редко хвалю. Максимум — «ну, не-
плохо», «ну, нормально». Смотрю матчи всегда одна, не лю-
блю со всеми сидеть. Даже когда среди болельщиков — все
равно одна. Погружена в себя, сама с собой разговариваю.
А похвалы от меня редко можно добиться.

— Но хоть после выигрыша Кубка Стэнли похва-
лили? — с надеждой спросил я.

— Похвалила.

Беседа с родителями Овечкина была напечатана в виде
очерка. На следующий день после его публикации мне по-
звонил член Зала хоккейной славы в Торонто Александр
Якушев. И сказал, что из разговора с Овечкиными-стар-
шими нужно делать отдельную брошюру, которую должны
прочитать все дети и родители, которые водят пацанов
в хоккейные секции. Потому что более выразительного рас-
сказа о том, сколько сил и с каким самоотречением нужно
вложить в ребенка, чтобы из него вырос большой спортс-
мен, невозможно придумать.

Позже я разговаривал об Овечкине со многими людьми, и из всех, хорошо его знающих, не было ни одного, кто не упомянул бы родителей Александра. Например, форвард Виктор Козлов, партнер Ови по «Вашингтону» и сборной России. На вопрос, в чем секрет Александра, он сперва ответил:

— В целеустремленности, в голоде до побед, который не уменьшается с годами.

Но тут же добавил:

— А еще — в правильных ценностях, которые заложили в него родители. Они сделали из него открытого, эмоционального, сопереживающего человека. Хорошего человека.

* * *

Папа Овечкина был близок к тому, чтобы стать профессиональным футболистом. Дошел до дубля «Динамо», был центральным защитником, играл в одной команде с будущими динамовскими звездами Сергеем Никулиным и Александром Маховиковым.

Габаритами бог парня не обделил. Его взяли в дубль, и 16-летний Михаил поехал с командой на «халтурную» игру в Брянск — за участие в товарищеских матчах на периферии местные меценаты порой платили неплохие гонорары. И там порвал мышцу бедра.

— Неудачная операция — и ловить мне больше было нечего, — вздыхает Михаил Викторович. — Изрезали всего. Мышцы, ахиллы — все рваное. Кстати, Саша здорово играет в футбол. Очень прилично. В плане вида спорта запросто мог пойти по моим стопам. Он и плавает хорошо, и на баскетбольной площадке в порядке, и на теннисном корте. Игровик, который не остался бы на последних ролях ни в одном виде спорта, в какой бы ни пошел.

Папа будет с сумасшедшей отдачей вкладывать в сына все то, чего судьба не позволила ему добиться в спорте са-

мому. Физическая мощь перешла к будущей хоккейной суперзвезде именно от отца. Саша родился очень большим — пять с половиной кило. И всегда был крепким.

По сей день, приезжая летом на дачу, Овечкин тут же выходит на футбольное поле и на корт. Более того, для Саши норма — десятикилометровая пробежка от дачи до трассы, куда папа подъезжает на машине, чтобы сына подобрать.

— Я не слишком-то мечтала, чтобы Саша пошел по моим стопам и стал баскетболистом, — говорит Татьяна Николаевна. — Просто смотрела, где у него лучше получается. А у него везде шло, и в баскетболе тоже неплохо. Даже сейчас, когда в Москве проходит какой-нибудь благотворительный баскетбольный матч, и Саша в нем участвует, на него приятно смотреть. И трешник может забить, и пройти под кольцо, и классно отдать. У него хорошие руки, игровое мышление. Считаю, что баскетбол ему это видение площадки привил. Мой вид спорта от хоккея ведь не так уж далеко ушел. Пять на пять, по сути — те же самые схемы и в обороне, и в атаке. Так что и в этом гены сказываются.

Овечкины жили и живут рядом с дворцом спорта «Динамо» на севере Москвы. Татьяна Николаевна пропадала во дворце, поскольку у нее были тренировки. Работала у нее главным тренером, и президентом клуба. Поэтому после детского сада и школы ее дети все время были с ней. И все время во все играли, благо возможность была. Хотите — в теннис, хотите — в баскетбол, хотите — в футбол с арендаторами.

— Сашу везде принимали, потому что он был спортивным и у него все получалось, — вспоминает мама. — В футболе, например, на воротах хорошо стоял. И на волейбольной площадке отлично себя чувствовал.

А впервые Сашину спортивность мама ощутила, когда ему было... полтора года. Она была детским тренером и поехала в спортивный лагерь в село Карманово, под Дубной.

С баскетболистами там были ватерполисты, и Овечкины часто ходили к ним в бассейн.

— Сашке было годика полтора, он еще и говорить-то не умел. Там над стенами бассейна почему-то были закреплены баскетбольные кольца. Однажды он схватил мяч, и мы все удивились, тренер ватерполистов сказал: руки-то какие у малыша! Потому что обычно приходится учить детей, как правильно брать мяч, какое расстояние должно быть между пальцами. А он сразу все сделал идеально. И бросил. Мы вообще обалдели!

Вскоре у будущего снайпера появилась клюшка для русского хоккея. Пошел с папой в магазин «Школьник», где тогда продавались детские комплекты для бенди: шлем, клюшечка, мячик. Отец купил, и клюшка была с Сашей всегда. Небольшая, пластмассовая. А когда Саша первый раз ударил по этому мячику, родители переглянулись. Потому что ходить-то недавно начал — а тут, хоть никто его ничему не учил, все здорово сделал.

Но надо было что-то выбирать.

— Мы живем на Флотской улице, — говорит Михаил Викторович, — в доме, где получали квартиры динамовцы по разным видам спорта. По соседству — и крестный Сашкин, чемпион мира 1975 года по хоккею Александр Филиппов, и футболист Сергей Никулин, и баскетболист Владимир Жигилий. Мы встречались, и каждый советовал отдать сына в свой вид спорта. А я его в детстве и на плавание водил, и на водное поло — в бассейн на «Динамо».

А потом Саня увидел хоккей — и все. «Динамо» против не помню уже кого. Саня играл около телевизора. Я переключал программы, увидел хоккей, решил узнать счет. Выяснил, собирался вновь куда-то щелкнуть, и тут Сашка вдруг показывает: нет-нет, оставь!

С этого и началась хоккейная история Александра Овечкина. Родители вспоминают, что он с клюшками и шайбами даже спать ложился. Дома ходил в коньках. Когда шли Олимпийские игры или чемпионат мира, Саша брал

клюшку и шайбу, сам комментировал: «Финал Олимпиады. Овечкин выходит, бросает — победный гол!» Чтобы мебель в квартире не страдала, отец достал кусок оргалита, положил около лифта. На нем Александр шайбу и гонял. Можно сказать, родился с клюшкой.

К традиционному во многих российских семьях ремню родители Овечкина не прибегали.

— По попе хлопну его ладошкой, не более. И мама тоже. Другие рычаги были. Двойку получит по какому-нибудь предмету, мы ему: «Все, на тренировку не идешь». Саша в слезы, на колени: «Мама, папа, простите, я все исправлю!» Так вопрос решался с учебой, а в хоккее его никогда не надо было подталкивать.

Александр пришел в хоккей поздно, в восемь с половиной лет. Тренировался с утра до вечера, надо было догонять — остальные-то с пяти-шести лет занимались. И сразу стало понятно: действительно, спортсмен. У отца есть съемки маленького Саши, еще плохо катавшегося. Одна клюшка сломалась, он из-за борта хватает вторую — и ведет шайбу двумя клюшками! Ему кричат: «Брось одну!», а он не бросает...

Анатолий Тарасов каждый день выгонял свою дочь Таню на пробежку — в дождь и снег, в день рождения и в Новый год. Мама же Саши Овечкина качает головой:

— Его не нужно было никуда выгонять. Его, наоборот, надо было забирать с улицы домой. Они сами строили площадки где только можно, и он мог целыми днями на них пропадать. Иногда приходилось искать, где он играет. Возвращался просто никакой. Бывало, папе приходилось его пешком на десятый этаж нести. Приносил — и Саша тут же засыпал.

Михаил, старший брат Александра, кстати, тоже не остался вдалеке от спорта. Работал менеджером в американских женских баскетбольных клубах, затем стал спортивным директором женского баскетбольного «Динамо». Английский, по словам отца, знает даже лучше Ови.

Адаптация в Северной Америке у Саши прошла легко.

— Первое интервью, когда приехал, он уже давал по-английски. Язык-то он знал, — объяснил Михаил Викторович.

— Откуда?! — поражаюсь я.

— У нас была замечательная соседка, Валентина. Она очень хорошо знала английский и с ним года два занималась. Спасибо ей большое.

Дальновидностью мамы Овечкина можно только восхищаться. Попросила Валентину об этих занятиях, естественно, Татьяна Николаевна. Хоть сама в том и не признается...

— В России уйма талантливых детей, — продолжает папа, выходя на уровень обобщения. — Мы видели это, когда Сашка был ребенком. Но очень многое зависит от родителей. Надо не только, чтобы ребенок хотел заниматься, но и чтобы родители уделяли ему внимание, возили на тренировки — начинались-то занятия в семь утра. Чтобы контролировали питание. Татьяна тренировала, у нее матчи, но все равно следила и за питанием, и за тем, чтобы Саша вовремя отдыхал.

— Как же она успевала?

— Да, это было для нее сложно. Я-то, может, этот процесс не так серьезно контролировал, а мама — жестко. Очень жестко. Где-то родители упускают ребенка — и ребята заканчивают с хоккеем, хотя такие талантища были! А Татьяна всю жизнь в большом спорте, все это видела и понимала. И всегда подсказывала Саше, какие он сделал ошибки. После игры едем в машине, и она говорит: «В том-то эпизоде тебе надо было туда-то отдать». Он соглашается: «Да, я потом понял». Разбор полетов — после каждой игры.

Об этих разборах мне рассказывал сам Саша, когда ему только исполнилось восемнадцать.

Мы встретились 7 октября 2003 года в «Лужниках» после матча российской суперлиги «Динамо»—«Сибирь»

у выхода из раздевалки бело-голубых. Хоть все его и называли восходящей суперзвездой, держался Саша довольно стеснительно.

До его дебюта в сборной на чемпионатах мира под руководством Виктора Тихонова оставалось всего семь месяцев. До выбора «Вашингтоном» под общим первым номером на драфте в Роли, штат Северная Каролина, — восемь. До Кубка мира с участием всех сильнейших — одиннадцать. До дубля в дебютном матче в НХЛ против «Коламбуса» — без двух дней два года. До тысячного очка в НХЛ — более 13 лет.

Мы хорошо знаем опытного Овечкина по СМИ, и крайне любопытно сейчас перенестись на машине времени в начало 2000-х и заново познакомиться с восемнадцатилетним Сашей. Совсем-совсем другим Овечкиным.

Задаю, например, вопрос, есть ли у него машина, живет ли он уже один, разбирает ли с отцом и матерью сыгранные матчи.

«Мы с родителями купили «Лексус», но за рулем всегда папа. И я никогда не ездил на нем, если на соседнем сиденье не было отца. Согласен с родителями, которые говорят, что мне рано водить машину без их контроля. Есть много грустных историй, когда молодые спортсмены попадают в аварии из-за превышения скорости и еще чего-то такого».

Пятнадцать лет спустя я интересуюсь у Михаила Викторовича, гоняет ли сын на машине, не приходится ли просить его ездить поаккуратнее?

— Нет-нет, особо не гоняет. Он хорошо водит. Я его с детства учил. Сажал между ног, давал в руки руль. Пedaли, естественно, я сам нажимал — он ногами не доставал. И руль контролировал. Но ему казалось, что он машину ведет. Саше нравятся и спортивные машины, и внедорожники. Он «Мерседес» очень любит. Все его машины — этой марки.

Но вернемся к восемнадцатилетнему Овечкину. Скромному.

«Я живу с родителями и в ближайшее время не собираюсь переезжать в собственную квартиру, потому что

слишком юн для этого. В этом случае моя голова может повернуться в неправильную сторону. Мои родители всегда смотрят за мной, и я благодарен им за это. Мне важно, что они думают о моей игре. После каждого матча мы его анализируем. Сейчас прямо в машине обсудим, как я играл, что делал хорошо и плохо. Мой отец ходит на тренировки и после них тоже высказывает мне свое мнение. Всегда чувствую их поддержку, и когда начинается каждая игра, смотрю на трибуны, ищу глазами родителей. Их счастье, когда мы выигрываем и я забиваю, дает мне дополнительную энергию».

Верите, что это тот самый Ови?..

* * *

Первого в жизни кумира Овечкин тоже сотворил явно под влиянием родителей. В том самом интервью юный Саша говорил: «Когда я был маленьким, моим идолом был Александр Мальцев. Он был великим игроком с невероятными руками, скоростью, видением поля. Мальцев играл за «Динамо», и я стал болельщиком этого клуба с детства. Сам играю за «Динамо» с первой своей детской команды. И могу уехать из этого клуба только в НХЛ».

Из НХЛ Саша однажды тоже уедет. Но, как он заявил в интервью своей жене, Насте Шубской, последний матч в своей карьере (не сказал «сезон», сказал именно «матч!»), он проведет в «Динамо». Красивая закольцовка!

Когда я по случаю 700-го гола Овечкина в регулярных чемпионатах работал над материалом о его российских хоккейных учителях, неожиданно выяснилось, что с Мальцевым ему довелось поработать лично. Рассказал мне об этом его первый тренер во взрослой команде «Динамо» Владимир Семенов, познакомившийся с ним, еще когда Саша играл за свой год.

— Видел, как вечерами с ним занимался над техникой катания и владения клюшкой Сашка Мальцев, Александр

Николаевич, — говорил Семенов. — Это было на открытой Малой арене стадиона «Динамо», зимой там заливали лед. Они с Мальцевым вдвоем вечерами выходили и работали, а я за этим наблюдал.

Индивидуальные занятия с Мальцевым, одним из самых техничных и зрелищных игроков в истории советского хоккея, заслуживают особого интереса. Ближайший друг Валерия Харламова несильно охоч до общения с журналистами, к тому же в момент работы над этой публикацией восстанавливался в Германии после сложной операции. И я спросил об этом легендарного защитника, трехкратного олимпийского чемпиона, а затем многолетнего вице-президента «Динамо» Виталия Давыдова — одного из двоих специалистов, порекомендовавших Овечкина главному тренеру первой команды Семенову.

— Да, Саша Мальцев с ним занимался подкаткой, — подтвердил Давыдов. — В Сокольниках Таня Овечкина лед снимала, он с ним там индивидуально работал. Мальцев как никто другой мог показать своему тезке необычные выражи и движения. Всегда говорю, что есть хорошие игроки, а есть виртуозы. Мальцев был виртуоз. Татьяна — олимпийская чемпионка по баскетболу, всю жизнь в «Динамо». Она попросила, а Саша — человек покладистый. Почему бы и не сделать, не помочь?

Я и сам с Татьяной очень много общался, мы познакомились не во время моей игровой карьеры, а уже когда я занимался тренерской работой. Постоянно находился в школе, и, когда Сашка тренировался, я общался и с ним, и с ней. Он с самого начала выделялся владением шайбой. И к концу школы было видно, что его можно спокойно посмотреть в основной команде. Никто бы не мог возражать против этого. Наше с Мальцевым предложение было обожено.

Выходит, Мальцев занимался с Овечкиным и на Малой арене «Динамо» (версия Семенова), и в Сокольниках, лед в которых снимала мама Александра (версия Давыдова)!

То есть, такие занятия наверняка были многократными, и, безусловно, принесли пользу.

Виталию Семеновичу восемьдесят. У Овечкина уже совсем другая жизнь.

— Вы теперь часто с Сашей видитеесь?

— Саша всегда приезжает в школу «Динамо» и приходит на хоккей, — отвечает Давыдов. — Он же воспитанник нашей школы и никогда об этом не забывает. Привозит ребятам майки, спортивное снаряжение. От своего родного общества и клуба Овечкин не отрывается. Очень радостно, когда видишь, что человек достиг больших высот, но не забывает, откуда вышел. Он и лично мне привез зимний утепленный спортивный костюм. Сказал: «Чтобы занимались зимой спортом и не простужались». Я поблагодарил его за такую заботу о моем здоровье.

Об игре Овечкина Виталий Семенович говорит так:

— Сейчас трудно найти в мире нападающих, которые обладали бы таким сильным броском...

Давыдов в хоккее повидал многое, ему есть с кем сравнивать. И я интересуюсь:

— А раньше?

— Если брать форвардов всех времен, то считаю, что самый сильный бросок был у Анатолия Фирсова.

Как же жаль, что невозможно сравнить вживую! Фирсов в любимцах даже у Скотти Боумэна, который вспоминает о его игре по сей день, хоть Анатолию и не было суждено выходить против канадских профессионалов.

Овечкин, к собственному счастью, живет в совсем другое время.

* * *

Важнейшим в воспитании большого игрока стало участие родителей.

— Первое его знакомство с хоккеем продолжалось недолго, — говорит мама. — Дело в том, что мы с мужем — он

тогда был начальником команды женского баскетбольного «Динамо» — были в постоянных разъездах, и на какое-то время заниматься хоккеем Саша перестал. Но тут упорство проявил его первый тренер Вячеслав Кириллов. Со мной раньше играла девочка, Люба Белова, у нее сын Костя был вратарем в этой детской команде. И она мне передала, что тренер все время спрашивает про нас. «Такой мальчик хороший!» За ту настойчивость мы Вячеславу Викторовичу очень благодарны.

— И как прошло возвращение к тренировкам?

— Когда мы с Сашей пришли вновь, у них как раз была принципиальная игра со «Спартаком». Его посадили самым последним на скамейке. Два периода не выходил. Смотрю, плачет: «Не ставят, пойдем домой!» Увещевала его: «Подожди». И в третьем периоде тренер его поставил. После чего Саня с площадки уже почти не уходил. С этого момента Саша начал заниматься хоккеем постоянно. Водили его на тренировки то мой папа, Николай Михайлович, то старший брат Сережа. А потом, когда мы увидели, что у Саши хорошо получается, подключился муж. Ему пришлось уйти с работы, чтобы заняться карьерой сына всерьез.

— Даже так?!

— Да. Надо было и утром везти его на тренировки, и вечером — на подкатки. Последнее было необходимо, потому что индивидуально очень много над ним работали. Если кто-то думает, что такого хоккеиста можно вырастить просто так — ничего подобного. Мы прошли очень большой и серьезный путь. Хоккей — это вечный тест на выживание. И для ребенка, и для его родителей.

Сам Овечкин в 18 лет озвучивал мне схожую версию, только без таких деталей о Кириллове: «Мой старший брат привел меня в хоккейную школу «Динамо», но вскоре после этого я перестал там заниматься — то ли на полгода, то ли даже больше. Это случилось потому, что ни у кого в семье не было времени меня туда возить. Но затем что-то измени-

лось, и я вернулся. Мне хоккей очень нравился, и ни о чем другом, кроме своей будущей профессии, я не думал».

Обо всем остальном думали родители.

* * *

Старший брат Александра, Сергей, тот самый, который первое время водил его на тренировки и вообще был с Сашей очень близок, погиб в автомобильной катастрофе. Его жизнь оборвалась в двадцать пять лет. Саше было десять.

— Мы тогда многое пережили, — коротко говорит Татьяна Николаевна. Сам юный Саша, когда я пытался деликатно спросить, сильно ли на него повлияла гибель брата, единственный раз за все время того интервью произнес: «Не хочу об этом говорить».

Вместо слов обо всем скажут поступки. Сделанная Овечкиным в двадцать пять лет татуировка на груди: «Sergey, you are always in my heart» («Сергей, ты всегда в моем сердце»). Названный его именем первенец. Наконец, Кубок Стэнли, привезенный в 2018 году на могилу брата.

Первый тренер Саши в динамовской школе — тот самый Вячеслав Кириллов, который настоял на возвращении мальчишки — не увидел успехов форварда. Я спросил у Михаила Викторовича:

— Кто был первым человеком, который вам, родителям, сказал: «У вас гениальный ребенок»?

— Кириллов, — отвечает отец Саши. — Он умер, кажется, в 2000-м, или даже в 1999-м. Не увидел Сашкиных успехов. Молодой парень, 1971 года рождения — и даже до тридцати не дожил. Сердце не выдержало. Он в Сашку прямо душу вкладывал. Сам звонил: «Поехали на подкаточку!» Я приезжал к нему в Строгино, он где-нибудь во дворе с ним занимался. И на «Динамо» тренеры давали нам половину площадки, когда самые маленькие тренировались. Когда Вячеслава Викторовича по каким-то причи-

нам убрали из команды мальчишек 1985 года рождения, он пришел в раздевалку, подошел к Сашке и со слезами сказал: «Ну если ты не заиграешь, даже не знаю, кто вообще должен играть в хоккей».

Татьяна Николаевна отзывается о покойном первом тренере сына так же тепло. И вспоминает интереснейшую историю:

— Все родители считают, что их дети — лучшие. И пошли всякие разговоры: «Вот Овечкин играет, потому что у него в «Динамо» родители». Как подвыпьют — сразу начинается. А я как-то пришла на тренировку и услышала. Думаю — да что же это такое?! Подхожу к тренеру: «Вячеслав Викторович, вы не могли бы поставить Сашу в последнее звено?» Тот поразился: «Татьяна Николаевна, как я туда его поставлю? Это же несправедливо!» Я упорствовала: «Поставьте, пожалуйста». А он мне в ответ: «Ну вы же понимаете, что скоро последнее звено будет первым!»

— Но вы его все же убедили?

— Да, он поставил Сашу с начинающими. И оказался прав — через какое-то время это звено стало лучшим. После чего все те родители закрыли рты. А Саша понял, что доказывать свою силу надо с любыми партнерами.

— Для этого потребовалась неделя или две, — уточняет отец. — На каждую игру он выходил как на бой. Так было всегда. Саше с первых дней занятий хоккеем было все равно, кто перед ним. Как в фильме «В бой идут одни «старики»: «Дорогу старшим надо уступать? В трамвае — пожалуйста, но не в бою».

В советском футболе был в ходу афоризм, придуманный, кажется, тренером Эдуардом Малофеевым: «В бою температуру не меряют». Овечкина воспитывали именно так. Отец вспоминает, что когда Саше было лет двенадцать-тринадцать, ему надо было ехать на турнир в Нижний Новгород, играть за старший, 84-й год рождения. И на последней тренировке ему разрезали ногу. Медсестра снимает с него коньки — и Михаил Викторович видит, как, по его выраже-

нию, «кровь брызгает оттуда не фонтаном, а в режиме бьющегося сердца». Вот здесь он испугался. Но обошлось.

Как обошлось и у него самого. По рассказу хорошо знающего семью Овечкиных журналиста Сергея Шачина, отец Александра побывал в серьезной переделке. Деньги в ту непростую пору обесценивались быстро, зарплаты в «Динамо» были копеечными, а детей надо было кормить. Поэтому дядя Миша днем работал начальником команды, а по ночам «бомбил» на своей скромной машине. Бывало, попадались непростые пассажиры. Однажды задумали его придушить — то ли выручку забрать, то ли сразу машину. Но с виду добрый, хотя и крупный, человек сумел постоять за себя.

Как именно? Ну представьте себе его сына в момент силового приема на хоккейной площадке...

* * *

Когда Саше было двенадцать лет, его родителям стало окончательно ясно, что он — экстраординарный талант. Последний тур чемпионата Москвы. Овечкину, на счету которого было 53 гола, оставалось забросить три шайбы, чтобы побить рекорд Павла Буре.

На дворе — весна 1998 года. Только что Русская Ракета потрясла всю страну, забив девять голов на Олимпийских играх в Нагано, в том числе пять — в полуфинале финнам. Восемь лет спустя, перед началом Олимпиады в Турине, дебютант Овечкин расскажет мне, что первая мечта об Играх появилась у него именно тогда, когда он смотрел на подвиги Буре. Можно представить, какой мотивацией спустя несколько месяцев стала для него перспектива опередить кумира.

— Папа говорил Саше, что есть такой рекорд, который надо побить. «Ну хорошо, побью». И побил. Забросил даже не три, а шесть, — вспоминает Татьяна Николаевна.

— Тогда я в первый раз ему сказал: «Сынок, я горжусь тобой», — добавляет Михаил Викторович. — В тот момент я понял, что из него что-то получится. У Сашки, надо ска-

зять, был стимул: десять рублей за шайбу. Не в той игре, а вообще. Когда ему было лет десять, наверное, я решил, что надо его как-то стимулировать. И он знал: забьет два гола — получит 20 рублей. За те шесть — аж 60.

— А за голевую передачу?

— Нет, ничего, — улыбается отец.

Ярко выраженному снайперу перейти рубеж в пятьсот голевых передач в НХЛ и уже приблизиться к шестистам это не помешало.

Уточняя у мамы, праздновал ли в детстве сын забитые голы так же эмоционально или только в НХЛ начал на стекло прыгать.

— Всегда эмоционально! — отвечает она. — У нас на кассетах много записей его детских матчей, когда Саша играл на первенство Москвы. И там видно, как пацаны радуются, когда забрасывают шайбы. У Саши — все то же самое!

— А в юности он действительно отрабатывал свой знаменитый щелчок и кистевой бросок на даче?

— Да. Мой папа, Сашин дедушка, взял облегченное железо, закрепил его на заборе, — вспоминает подробно Татьяна Николаевна. — Подбил, чтобы шайба далеко не улетала. Сын тренировал бросок, делал специальные упражнения, и это была очень серьезная работа. Если родители хотят, чтобы ребенок добился больших результатов, они должны быть очень внимательны. И к такой работе даже летом, и к питанию — ко всему!

— Бросал Саша очень много, это точно, — подтверждает Михаил Викторович. — На даче, как и у лифта в доме, положили оргалит. Саша рисовал на заборе ворота — и бросал, бросал, бросал. Родня делала для него все возможное. Теща подшивала Сашке на коленки и на попу мягкие подкладки, чтобы падать не больно было.

Бабушка Овечкина, Евдокия Егоровна, мама Татьяны Николаевны, дожила до Сашиной победы в Кубке Стэнли и умерла в 94 года в декабре того же 2018-го. Она очень многое вложила в его становление, и отнюдь не только под-

шиванием к одежде мягких подкладок. Сколько раз, когда мама Саши отправлялась с баскетбольным «Динамо» на очередные выезды, бабушка брала мальчишку к себе и давала ему море тепла и внимания!

Какой масштаб поддержки требовался от Евдокии Егоровны и Николая Михайловича — представить несложно. Ведь их дочка — единственная в истории нашей страны двукратная олимпийская чемпионка, ставшая многодетной матерью.

Необычная семья, ради которой отец уходит с работы. Уникальная мама. Кто-нибудь удивлен, что и сын — уникал?

* * *

Развивать понимание игры Александру здорово помогали те самые дополнительные занятия, на которые его без усталости возил отец.

— Если не ошибаюсь, лет в четырнадцать Саша попал на подкатки в команду ветеранов «Русское золото», где играли Александр Гусев, многие другие олимпийские чемпионы и чемпионы мира, — вспоминает Михаил Викторович. — Получилось это так. Когда я ходил на хоккей, всегда сидел рядом с великим тренером Николаем Эпштейном. И как-то спросил, что он делает сейчас. Николай Семенович рассказал, что есть такая команда ветеранов, где он — президент. Я спросил: «А можно будет с сыном подъехать?» — «Конечно».

Саша Овечкин катался с ними месяца три. Такой непрекращающийся мастер-класс! Тренировались они в спорткомплексе «Олимпийский». Когда происходила смена и Овечкин садился на лавку, великие мастера ему подсказывали: «Саш, там надо было сыграть так-то и так-то». Но делали это очень корректно — пацан все-таки. Он все впитывал как губка. Такая школа для юного хоккеиста — бесценна.

— А еще во дворец на Лавочкина приезжал Игорь Ларионов, — продолжает дядя Миша. — Показывал Сашке,

какие упражнения надо делать в гостинице, перед игрой. И вообще, что в тренажерном зале нужно для каких мышц, а что — не нужно. Очень грамотно и четко объяснял! Сын с открытым ртом слушал. И, по-моему, всегда все выполнял. А кое-что выполняет и сейчас.

Оказывается, в детстве у Овечкина были и такие учителя! Мама к рассказу отца добавила, что тренировки «Русского золота» часто начинались в 11 вечера, но Саша был готов ехать куда угодно, лишь бы там можно было встать на коньки. И папа его возил.

В 2019-м я решил уточнить у самого Овечкина, не приукрасил ли папа историю с Ларионовым. По первым же секундам ответа стало ясно, что нет.

— Тот момент я никогда не забуду, — говорил Ови. — Приехала настоящая легенда. У нас в «Динамо» играл Филипп Арзамасов. Его сестра вышла замуж за Игоря. И Ларионов приехал к нам тренироваться. Разок-другой работали вместе и на льду. Ценность его советов была просто колоссальной! Все мальчишки слушали его с открытыми ртами. Понятное дело — когда приезжает такой человек, ты хочешь как можно больше интересного узнать об НХЛ и о хоккее вообще. Когда я с ним тренировался, то видел, какого уровня это профессионал. До какой степени он знает, как правильно себя готовить к играм и тренировкам. Для меня это был очень большой опыт!

Как правило, Овечкин немногословен, и если Александр произносит такой монолог, то можно понять, каков масштаб его уважения к Ларионову. Сам же Профессор рассказал мне все еще более детально.

— Саше тогда было четырнадцать лет, — вспоминает Ларионов. — И так вышло, что брат моей супруги занимался в школе футбольного «Динамо» вместе с отцом Овечкина, Михаилом. Они одного возраста и играли в одной команде. Сначала родители Овечкина вышли на мою тещу, через которую и попросили, чтобы, когда я приеду в Москву, встретился с Сашей, поговорил с ним, позанимался на

льду и в зале, подсказал какие-то вещи. Два или три дня мы провели вместе. С тех пор и знаю их семью.

— Над чем именно вы с ним работали?

— Мы с Сашей делали то, что обычно делаю я сам, — вспоминает Ларионов. — Показывал ему какие-то упражнения из своей летней подготовки. Потом вышел с ним на ледовую тренировку, покатался с их командой, поучаствовал в двусторонней игре. Саша был мощным и уже в то время целеустремленным мальчишкой. Не по годам крепким физически.

— Что-то особенное в нем как в хоккеисте было уже тогда?

— Поразило, что в нем уже чувствовалось колоссальное желание всегда быть первым, лидером. Вроде пацан — но уже резкий, здорово меняет направление движения. Таких игроков очень мало и, чтобы расти, им необходимо играть со старшими. Когда я вышел с ними на лед, мне тут же стало ясно, что в свои четырнадцать парень находится совсем недалеко от взрослого хоккея.

Ларионов оказался прав. Меньше чем через два года Овечкин дебютирует во взрослом «Динамо».

А еще Профессор особо отмечает роль родителей Александра:

— Они хотели, чтобы сын стал успешным, поэтому искали всяческие варианты, чтобы он мог расти. Они всегда были открыты для того, чтобы находить для этого людей извне, которые многого достигли в этом виде спорта. Почему и вышли на мою тещу, чтобы я поработал с Сашкой. Так что их роль, конечно, была огромна.

В то лето, когда Ларионов познакомился с Овечкиными, случилась трагикомическая история, которая, слава богу, закончилась намного лучше, чем могла бы.

— Миша, его отец, был у нас частым гостем, — рассказывает Ларионов. — И как-то он пришел, когда меня не было, а дома оставалась одна супруга. И с ней — огромная собака, ротвейлер. В России время было еще не очень спокойное,

и собака была приучена охранять квартиру. Мишу она не признала, и, когда жена пошла открывать дверь, со всем своим огромным весом, порядка ста килограммов, бросилась на него. А он, человек не худой, чуть ли не застрял в проеме между двух дверей нашей небольшой квартиры... Едва не загрызла! Лена, жена, его спасла — своим «мощным» весом 50 килограммов удержала собаку, которая весила вдвое больше...

К числу людей, которые приложили руку к формированию Ови, спасшийся от ларионовской собаки отец причисляет еще нескольких опытных хоккеистов. Максима Сушинского, к которому Сашу поставили в одно звено при первом вызове в сборную, Дайнюса Зубруса и, конечно, Сергея Федорова в «Вашингтоне». Среди тех, кто его особенно тепло принял в национальной команде, сам юный Овечкин назвал мне того же Сушинского, а также защитника Андрея Скопинцева.

Когда Илье Ковальчуку было четыре года, его отец написал в дневнике: «Наша цель — Олимпийские игры». У родителей Ови цели были скромнее.

— Я, честно скажу, мечтал, чтобы Саня попал в команду мастеров, — признается Михаил Викторович. — В «Динамо». Спал и видел это. НХЛ тогда была где-то за облаками. Понял, что это реальность, только когда его задрафтовали, да еще и под первым номером. А Саша всегда мечтал как раз об НХЛ. У него было столько карточек игроков из этой лиги...

— Не представляете, сколько этих энхаэловских карточек у нас на даче до сих пор лежит! — смеется мама. — Это же просто кошмар, какие деньги мы на них потратили. Только новая появляется, Саша об этом узнает — надо обязательно купить. Целыми альбомами.

Страсть к коллекционированию у Александра со временем не пропала — сейчас он собирает клюшки — и свои, которыми забивал значимые голы, и других звезд. Сейчас их уже около 60, а первой была клюшка Марио Лемье.

Сложнее всего, как рассказал Саша в интервью своей жене на «Матч ТВ», было добыть клюшку Макдэвида, поскольку «Эдмонтон» запрещал ее дарить. Но Ови отказать Коннор не смог. Все эти клюшки, а также коньки, свитеры и другое будут храниться в музее Саши в Москве.

— Когда ему было восемнадцать, он говорил мне, что болеет за «Сан-Хосе», — напоминаю я маме.

— Так ему же эмблема с акулой нравилась! Куртка, помню, у Саши была «Баффало», папа ее где-то достал. А майка — «Сан-Хосе». До сих пор где-то лежит. Он всех игроков лиги наизусть знал.

— А когда у него появилась мечта пораньше уехать в НХЛ?

— С самого начала. А что там поздно делать?

— Но жаль, что из-за годового локаута в НХЛ он уехал за океан на год позже, — подхватил я.

— Ничего не жаль, — возразила Татьяна Николаевна. — Поехал как раз вовремя. Крепким, здоровым, подготовленным к НХЛ физически и морально.

Но до этого предстояло еще пройти многое. Коллекции карточек и тренировок с Ларионовым для выступлений в НХЛ недостаточно.

* * *

На втором этаже дачи у родителей Овечкина есть домашний музей. В беседе с ними спрашиваю, какая из его детских вещей — их самый любимый экспонат. И вдруг оказывается, что я зацепил за живое.

— Когда-то в «Динамо» создавался музей, — объясняет Михаил Викторович. — Володька Полупанов, бывший динамовский хоккеист, был директором спортшколы и приехал ко мне: «Миш, у тебя что-нибудь есть?» А у меня оставались Сашкины детские клюшки, которым цены вообще нет. И я сдуру взял и отдал. Как и детские коньки, и спортивную форму, и уникальные фотографии. Думал: все-таки

музей родного клуба, а сын — один из лучших воспитанников «Динамо». Ради детей, чтобы ходили и смотрели. Так жалею! Сейчас Полупанов работает в «Умке». Приезжаю к нему: «Где все это?» — «Да бог его знает». Музея нет, все там сейчас сломали. Хотел забрать обратно и услышал: «Что ты! Столько времени прошло, растащили уже все...»

Поразительная история, совершенно невозможная за океаном. И, по-моему, наглядно объясняющая, почему Овечкин — звезда НХЛ, а не КХЛ, и представить его по-настоящему возвращающимся в российский хоккей, не на время локаута и не перед самым завершением карьеры, совершенно невозможно. Кстати, в Зал хоккейной славы в Торонто, членом которого Александр Великий, несомненно, станет, согласно правилам, ровно через три года после официального окончания карьеры в НХЛ, он уже отдавал клюшки и перчатки.

В Музее мадам Тюссо установлена его восковая фигура; в космосе в честь Овечкина названа звезда, и сертификат, подтверждающий это, лежит у родителей дома. Обо всем этом они с гордостью говорят. А детская экипировка, отданная от всей души в музей «Динамо», пропала неизвестно куда. Увы, это типичное российское разгильдяйство.

Незадолго до того, как мы осенью 2003 года разговаривали с Овечкиным, его, еще семнадцатилетнего, впервые вызвали в первую сборную России. Сделал это вернувшийся на год в национальную команду патриарх хоккея Виктор Тихонов.

— Завистники шептались — мол, по благу. А у Виктора Васильевича никакого блага не было и быть не могло, — удовлетворенно объясняет Михаил Викторович. — Просто жаба душит людей, которые не понимают, что спорт — тяжелый труд. Но мы не обращали внимания. Пусть болтают. Дальнейшей карьерой Саша всем все доказал.

Сам Овечкин в 2003 году прокомментировал мне тот вызов так: «Виктор Васильевич — великий тренер и чело-

век. Он знает о хоккее все, он вырастил столько поколений. Очень благодарен ему за то, что он пригласил такого молодого игрока, как я, в сборную России. Не боялся ли я его? Никакого страха не было, потому что я уже встречался с Тихоновым. Когда мне было пятнадцать лет, он приглашал меня в ЦСКА».

Интересный и по сей день малоизвестный факт. Спрашиваю о нем Татьяну Николаевну. Она подтверждает, а потом красиво закольцовывает сюжет:

— Виктор Васильевич обратил на него внимание, когда Саша еще мальчишкой был. Он часто звонил мне: «Мне нравится ваш парень». Однажды Саша даже пришел к нему на тренировку ЦСКА и поучаствовал в ней. Но посмотрел и сказал: «Это не «Динамо»».

Первым Овечкина в сборную вызвал как раз Виктор Васильевич. И много лет спустя Саша, который очень уважал Тихонова, сполна вернул ему этот долг. На чемпионате мира в Минске в 2014 году он играл в одном звене с его внуком Витей. И Овечкин еще раз доказал, что он не только великий снайпер, но и хороший плеймейкер. Они отлично понимали друг друга на площадке.

В результате Тихонов-младший стал лучшим бомбардиром ЧМ, а наша сборная в последний раз на момент написания этой книги взяла золото. И великий дед, которому оставалось жить всего полгода, зашел в раздевалку поздравить и обнять внука. А заодно расцеловал и Овечкина.

Переходный возраст — самый опасный — начался у Саши как раз тогда, когда Тихонов впервые позвал его в ЦСКА. Татьяна Николаевна на вопрос о том, не было ли у Саши в то время неприятных историй или друзей, вызывавших сомнение, не отвечает, а рубит:

— Нет. Не было.

Не стоит объяснять, благодаря кому не было.

— Тинейджер все-таки, а Москва — город соблазнов, — пояснил я.

– Немножко поплакали.
И сильно порадовались.
Ведь сбылась
САШИНА МЕЧТА!

— Нет! Для чего же тогда все это делалось, для чего и он, и мы столько времени и сил прикладывали?! Чтобы потом все это спустить? — возмущается Татьяна Николаевна. — У него всегда была мечта: играть в НХЛ. И Саша последовательно шел к этой цели, а мы ему в этом помогали. Он до своего отъезда в НХЛ всю зарплату и премиальные — в общем, все деньги всегда отдавал в семью.

Где-то помогали и учителя. Мама вспоминает, что Неля Равилевна, учительница младших классов, назначала первым уроком что-то попроще — рисование или труд, понимая: у Саши в семь тренировок, и он успеет только ко второму уроку.

Подростковые проделки у Овечкина были совершенно невинными, о чем когда-то рассказывала моему коллеге Сергею Шачину первая учительница Саши Неля Бетретдинова: «Как только звенел звонок с урока, он мигом выбежал из класса, падал на колени и таким манером пролетал по коридору. Вот Саша Овечкин в этом весь».

Будь рядом с классом заградительное пластиковое стекло с хоккейной арены, на которое можно было бы прыгать с разбега — нет сомнений, что он бы это делал. И еще бы почудил — так, как спустя годы, когда прокатился по нью-йоркскому Бродвею на грохочущем комбайне для заливки льда.

Главное же в том, что для Овечкина развлечения были только приложением к хоккею, но никогда не подменяли его. Может, Саша в юности был инфантилен?

— Нет-нет, — отрицает Зинэтула Билялетдинов, один из главных тренеров в жизни Ови. — Он был предан хоккею, как фанатик. Мог тренироваться с утра до вечера, его надо было выгонять со льда. Нагружал себя достаточно. Поэтому и достиг таких вершин — за счет работы, труда, а не только таланта. И не шалопай был, серьезный парень, с уважением относился к тренерам.

Сомневаться тут не приходится. Лодыри и инфантильные люди таких вершин не достигают.

14 ноября 2001 года на западной окраине Москвы, в Сетуни, во дворце спорта «Крылья Советов», произошло событие, на которое тогда мало кто обратил внимание. Однако оно стало началом великой хоккейной биографии. Шестнадцатилетний нападающий Александр Овечкин провел первый матч за взрослую команду «Динамо» в российской Суперлиге, заняв место на левом фланге четвертого звена с Дмитрием Семеновым и Денисом Карцевым. Результативными действиями не отметился.

Но не прошло двух месяцев, и 10 января 2002 года в Уфе вратарь Алексей Волков, чемпион мира среди молодежных сборных, на 39-й минуте матча с «Динамо» пропустил от гостей третью шайбу — ее автором с передачи Сергея Вышедкевича стал Овечкин.

А возглавлял тогда «Динамо», как я уже упоминал выше, Владимир Семенов, тренировавший команду в сезоне-2000/01 и до 4 февраля 2002-го. Сейчас он работает в динамовской хоккейной школе.

— Из головы за столько лет уже все выветрилось, — словно извиняется Владимир Георгиевич. — Ни матча в Сетуни, ни гола в Уфе, о которых вы говорите, не помню. Зато помню, что был в Сашке очень уверен. Чаще всего ставишь молодого и думаешь только об одном — чтобы не ошибся. А у Овечкина уже тогда был виден потенциал, и можно было ожидать, что он создаст что-то в атаке, а не будет действовать по принципу «лишь бы не напороть».

У самого Семенова в «Динамо» тогда играл сын Дима, перспективный парень, задрафтованный «Детройтом» в четвертом раунде 2000 года (то есть во времена Скотти Боумэна) под общим 127-м номером; выдающийся вратарь Хенрик Лундквист, например, на том же драфте был взят под 205-м. Были у бело-голубых и другие одаренные молодые пацаны — Алексей Смирнов (первый раунд, 12-й номер, выбран «Анахаймом» в том же 2000-м), Алексей

Михнов (первый раунд, 17-й номер, выбран «Эдмонтоном» тогда же).

— Но пришел Сашка, и я вижу, что это немножко другой коленкор, — продолжает Семенов. — После этого и сына отправил в ЦСКА, и Смирнова тоже. Если откровенно, высвободил под Овечкина место, чтобы он играл побольше.

Отправить сына в другую команду! Не каждый главный тренер идет на такое. Тем более что все перечисленные Семеновым игроки были задрафтованы в 2000 году, а Ови — аж на четыре года позже! Кстати, именно в звене с Дмитрием Семеновым Александр провел свой первый взрослый матч.

— Помню, пришел хороший скромный мальчишка, — вспоминает Семенов. — Физически одаренный, с мощным катанием, уже проглядывался хороший бросок. Тогда нужно было ставить молодых ребят, потому что по правилам на льду обязательно должны были выходить два «лимитчика». Одна-две игры — и я перестал бояться ставить Сашку в основу, знал, что он не подведет.

Вместе они поработали лишь несколько месяцев, о чем тренер жалеет. Но штрихи к овечкинскому портрету Семенов вспоминает первоклассные.

— Самое главное, что он человек хороший. Тогда не было такого, чтобы нам кто-то форму возил. Ребята таскали все сами. И баулы с клюшками, и точильные станки в больших ящиках. Так Сашка был такой парень, что его не надо было заставлять. Свои вещи отнес, вернулся, клюшки отнес, снова пришел. Его даже просить не надо было — сам бежал! И снова приходил: «Владимир Георгиевич, все? Больше ничего не надо?» Это родительское воспитание, однозначно. Тогда мы с папой и мамой Овечкина общались постоянно. Теперь, хоть и реже, но телефоны есть. За уникальное здоровье он должен сказать спасибо им!

По словам Семенова, в те времена будущий Ови больше бросал кистевыми — ведь, чтобы нарабатывать щелчок,

кто-то должен подносить ему снаряды, а он для такой чести был еще слишком юн. При этом физически одарен был уже тогда.

— Высок, накачан, — говорит Владимир Георгиевич. — И ручищи были уже подходящие, и ножищи.

Чтобы эмоционально праздновал голы и тем более прыгал на стекло — такого ни Семенов, ни сменивший его в «Динамо» Зинэтула Билялетдинов не помнят. Александр играл в «Динамо» под 32-м номером, и тренер объясняет это просто:

— Думаю, какой свободный был — такой и дали.

Ту же версию привел мне и Билялетдинов.

— Вы первый выпустили его на игру, при вас он забил первую шайбу. Чувствуете гордость от этого?

— Да, однозначно, — уверенно отвечает Семенов. — У меня внуку 11 лет, он начинает играть. Я ему об этом рассказываю, и он тоже гордится этим, потому что НХЛ все время смотрит. В прошлом году мы с Сашкой виделись накоротке, когда он в Новогорске был. Две-три минуты пообщались. Мои ребята 2003 года рождения это видели, понимают, что мы знакомы. Но я об этом с ними особо разговоров не завожу.

Семенов не хочет делать вид, будто уже тогда все о будущем Овечкина понимал. Говорит, видно было, что Саша будет сильным игроком, но чтобы до такой степени — представить было сложно.

— А то, что он столько забивает... Божий дар. Все же знают, откуда Сашка будет бросать. А она все равно залетает. Когда с шайбой Овечкин, ворота будто засасывают ее. И 700 голов для него, уверен, не предел.

С поста главного тренера Семенов ушел 4 февраля 2002 года. И в тот день произошел случай, который он вспоминает до сих пор.

— Это мне до сих пор греет душу. Меня отправили в отставку, на базе в Новогорске было собрание, я попрощался с игроками. Спускаюсь вниз — а там стоит Сашка,

у него слезы на глазах. «Владимир Георгиевич, извините, что не смогли вам помочь». Мне было так приятно! Никто больше не стоял — только он. Единственный!..

Эпизод весьма наглядный. Но после всего, что вы уже прочитали о Саше, это вряд ли вас удивляет, правда?

* * *

Вскоре после того, как в сезоне-2018/19 Овечкин превзошел Сергея Федорова по очкам для российских энхаэловцев за карьеру, я брал у него интервью и попросил назвать одного тренера, который дал ему больше всех. Ови ответил: «Думаю, Зинэтула Билялетдинов. Я играл у него за «Динамо» в 16–17 лет, и он поставил меня на правильный путь. Та работа, которую он со мной проводил, была для меня очень важной. И, конечно, детские тренеры, которые доверяли мне, ставили играть на более взрослом уровне. Всем спасибо!»

Олимпийский чемпион в бытность игроком, «коуч Билл» явно не зря несколько лет в 90-х работал в системе «Виннипега» и «Финикса». Зинэтула Хайдарович (кстати, партнеры по сборной СССР для простоты называли его почему-то Сашей — может, это был знак?) за эти годы понял, на каких китах стоит энхаэловский хоккей, и нет сомнений, что это сказалось на его работе с Овечкиным в течение двух с половиной лет.

Александр сам еще в 2003 году отвечал мне на вопрос, уделяет ли ему персональное внимание Билялетдинов: «Благодарен ему, поскольку он все время подсказывает мне детали того, как я должен поступать в той или иной ситуации. В моем возрасте он даже дает мне некоторое время в большинстве и меньшинстве». Как видим, с годами Ови мнения о роли этого специалиста в своей карьере не изменил.

Сам Билялетдинов охотно откликнулся на мою просьбу поговорить об Овечкине. А на вопрос, ожидал ли он, что

Ови из всех тренеров за карьеры выделит именно его, ответил:

— Откровенно говоря, неожиданность. В его карьере было очень много тренеров. Мне очень приятно слышать от него такие слова.

А свои мысли о начинающем Овечкине Билялетдинов описывает так, как сложно было предположить:

— Помню, когда его выпускал — сильно переживал за него. Потому что Саша еще был очень молодой, шестнадцать лет. Да, уже высокий, уже видно было, что фактура будет хорошая. Но сыроватый. И каждый раз, когда он выходил на лед, у меня было волнение. Думал: «Скорее бы он сменился, а то не дай бог, что с ним случится!»

У него же азарт был всегда, лез биться в самую кучу. И иногда по молодости это затмевало все. Учить забивать — очень сложно, это внутреннее, оно или есть, или нет. У Саши — было. Моей же задачей было научить его правильно действовать в разных игровых ситуациях. Иногда, может, и не надо в эту кучу лезть, напротив, надо подождать. Работал он очень много, всегда был голодный, и это подкупало. Как и то, что он слушал и старался выполнять задание тренера. И рос на глазах.

Тема Сашиного азарта, иногда с трудом контролируемого, вновь всплывает, когда спрашиваю у Билялетдинова об отношениях с родителями будущей звезды. Он рассказывает, что общение у них было всегда. С Татьяной они как динамовцы знали друг друга, и она регулярно интересовалась, как Саша, хотела, чтобы он больше играл. Тренер ей объяснял: нельзя, он еще физически сыроват и есть опасение, что получит травму. Ему — шестнадцать, соперникам — под тридцать, они взрослые мужики, и в столкновении с ними при его азарте можно получить серьезное повреждение. Поэтому нужно время, надо немного потерпеть, и он будет играть столько, сколько потребуется — и ему, и команде.

— По нему было видно, что растет игрок *другого* уровня, — вспоминает «коуч Билл». — Но иной раз надо

уметь не только идти в борьбу и выигрывать ее, но и уходить от борьбы. Этим вещам я тоже Сашу учил. И к работе с отягощениями мы его очень осторожно подпускали, как и других молодых. Если будешь их сильно грузить, можешь повредить плечо, спину. Да, он занимался в зале, но мы его ограничивали. Если взрослые ребята работали с тяжелыми весами, то ему давали чуть поменьше. Он был крепким мальчиком, высоким, с широкой костью. Но все равно и к физическим нагрузкам, и к игровым его надо было подводить постепенно.

Если бы не такая осторожность тренера, то кто знает, получили бы мы в итоге «русскую машину, которая никогда не ломается» (так однажды эффектно высказался его партнер Евгений Кузнецов) — хоккеиста, за 16 лет в НХЛ пропустившего меньше 40 матчей?

Если посмотреть статистику Овечкина в те сезоны, обращает на себя внимание, что во втором году в Суперлиге у него резко выросло число штрафных минут — 28 против четырех в первом, но в третьем вновь упало до тех же четырех. И вот это уж наверняка было результатом работы Билялетдинова.

— Думаю, да, — подтверждает тренер эту догадку. — Двадцать восемь минут для такого молодого человека — это достаточно много. И наверняка были сделаны замечания. Сейчас не помню, сажал ли я его на скамейку, но полагаю, что сажал. Так тоже идет обучение. Игрок должен понимать, что если он совершает ошибку, то за нее надо отвечать. Можно это делать словами, можно — действиями.

— Сказывался все тот же азарт?

— Да. Овечкин не боялся борьбы — он стремился к ней, находил ее. Он удалялся не потому, что хамил или цеплял — а просто в азарте, в кураже игры. Я постоянно говорил ему, что голова при всем этом все равно должна быть холодной. Да, эмоции иногда захлестывают, но мы не можем на них ссылаться. Это слишком просто. Хороший

игрок должен уметь их сдерживать и правильно вести себя в любой ситуации. Саша это понял.

Когда Овечкина будут страшно бить и провоцировать во время победного Кубка Стэнли 2018 года, а он из последних сил сможет сдерживаться и не отвечать — конечно, ему не будут на льду приходить в голову стародавние слова Билялетдинова. Но то, что закладывается в детстве и юности, потом «прорастает» в самые главные минуты. Недаром же Ови выделяет именно Зинэтулу Хайдаровича из тех тренеров, с которыми работал.

Приписывать себе лишние заслуги — будь то по рекомендации в первую сборную (Овечкин дебютировал в ней именно в бытность «коуча Билла» клубным тренером) или советы по постановке фирменного щелчка из левого круга вбрасывания — Билялетдинов не хочет.

— Да, работа над броском шла, — соглашается он, — но в то время ничего подобного будущему щелчку у него еще не было. Скорее всего, уже в Северной Америке, в клубе ему подсказали, куда и как вставать. Это же систематический труд. Надо правильно к шайбе подсесть, корпус верно поставить. Многие нюансы необходимы. И они нарабатываются.

— Советовался ли с вами Виктор Тихонов перед Кубком Чешской Пойштовны осенью 2003 года — брать или не брать мальчишку в сборную России? А потом — на ЧМ-2004?

— Думаю, что такого не было, — ответил Билялетдинов. — Конечно, какие-то разговоры с Тихоновым у нас шли. Но не такая постановка вопроса. Виктор Васильевич был опытным тренером, хорошо понимал игроков и знал, кого берет.

— Не закружилась ли от этого вызова у Саши голова?

— Я этого не видел.

И вправду — Тихонов знал. В сезоне-2003/04 Овечкин провел уже 53 игры, впервые забил больше десяти голов и набрал больше двадцати очков. Это был прорывной год,

в котором работа Билялетдинова по-настоящему начала приносить плоды.

После того сезона «коуча Билла» в «Динамо» сменил Владимир Крикунов, но совсем скоро Билялетдинов уже снова работал с Ови, теперь в сборной России на Кубке мира-2004, куда не побоялся взять восемнадцатилетнего парня и выпустить его в четвертом звене на два матча, включая даже четвертьфинал с США.

— Не рано ли это было? — интересуюсь я.

— Овечкин заслуживал! Вообще, все, что произошло с ним, было правильно. Как он играл на Кубке мира — хорошо, плохо — не важно. По всей его карьере мы можем сделать вывод, что каждое событие, происходившее в ней, было верным. Вы же видите конечный результат. Суть его феномена — в огромной жажде гола. Не в просто большой, как у других, а в какой-то гигантской, неудержимой. Посмотрите, как он радуется, когда забивает. Для него это как воздух. Он наслаждается этим. При этом Саша всю жизнь трудился, любил хоккей и был предан ему без остатка. Выполнял сумасшедший объем работы. И поэтому стал тем, кем стал.

На рассказ Виталия Давыдова о привезенном ему Овечкиным спортивном костюме у Билялетдинова тоже есть что вспомнить о дальнейшем их общении со снайпером.

— Как-то летом я отдыхал на Кипре. И Саша, по совпадению, гостил в этой же стране. Узнав, что я от него недалеко, приехал ко мне. У меня внук маленький еще был, лет 10–12 назад¹. Мы прекрасно пообщались. Конечно, Овечкин того периода, когда мы с ним работали в «Динамо», и энхаэловского — это юность и зрелость. Но он остался хорошим и порядочным парнем. Его ведь вся эта шумиха вокруг него могла испортить, правильно? Однако он, став одним из лучших хоккеистов мира, всегда достойно себя

¹ Александр Романов. Ныне — защитник «Монреаль Канадиенс».

вел и продолжает вести. Не дает никому повода зацепиться. И меня это очень радует.

Билялетдинова, конечно, не могла порадовать игра Овечкина, как и всей сборной России, которую он тренировал, на домашней Олимпиаде в Сочи, когда команда вылетела от финнов в четвертьфинале. Он до сих пор ищет и не может найти ответ на вопрос, что тогда произошло.

Но ни одним словом в нашем разговоре не перекладывает вину на Ови как на главную звезду той сборной. Может быть, не делает этого именно потому, что иной раз надо уметь не только идти в борьбу и выигрывать ее, но и уходить от борьбы.

* * *

Во втором динамовском сезоне Овечкина главный тренер российской молодежки Рафаил Ишматов пригласил его на молодежный ЧМ — и сборная России в Канаде выиграла золото, обыграв в финале хозяев. Ови, хоть в двух решающих матчах и не забивал, сыграл в Галифаксе гораздо более важную роль, чем обычно достается семнадцатилетним ребятам. В шести матчах на его счету два хет-трика — в ворота США в стартовом матче и Швейцарии — и с шестью голами он разделил с несколькими игроками лавры лучшего снайпера!

На следующий год Ишматов с уже восемнадцатилетним Овечкиным вновь работали вместе, но на МЧМ в Чехии команда с Ови, Евгением Малкиным, Александром Семиным и Николаем Жердевым заняла лишь пятое место.

Ишматов, уже много лет преподающий в Петербургском университете физической культуры имени Лесгафта, не был удивлен результативности юного Овечкина.

— Мы с ним познакомились только там, на МЧМ. Овечкин уже в том возрасте понимал, чего хочет, — говорит Ишматов. — Думаю, что это влияние спортивной семьи, сформированная родителями устойчивая психоло-

гия: мама — заслуженный мастер спорта, папа — хороший футболист. Было видно, что с ним можно идти в разведку. Целеустремленность, одержимость... Повлияло и то, что он уже начал играть в команде мастеров «Динамо». Такие факторы всегда играют свою роль. Как и то, что удалось найти правильное сочетание — с Трубачевым и Полушиным. Юра Трубачев как центральный нападающий — голова, капитан команды. Он помог Саше правильно решать эпизоды. Трубачев — это был игровой ум, Овечкин — завершение.

— В первом же матче с США он сделал хет-трик. Не шокировало?

— Совершенно не шокировало. Я не рассматривал игроков по принципу — кто старше, кто младше. Вышел играть — значит, член команды. Но в душе была радость. Советские принципы заключались в том, чтобы при прочих равных давать дорогу молодому. Я и сам через это прошел, поскольку в шестнадцать лет впервые сыграл за «Трактор» в высшей лиге. И так же получилось с Овечкиным.

Ишматов не зря упомянул СССР. По каждой его фразе чувствуется, что он — тренер советской закваски.

— Вы вели с Сашей индивидуальные беседы?

— Нет. Чтобы создать коллектив, надо относиться ко всем примерно одинаково. Поэтому индивидуального ничего не было.

— Овечкин уже тогда после голов прыгал на стекло?

— Такого не было. В те годы у нас скромность преобладала, мало артистизма было. Вот глаза — горели! Он вообще только на льду заметен был. Балагуры были другие — Трубачев, вратарь Медведев. А он вел себя очень скромно и собранно. Ха-ха да хи-хи — такого не было. Глаза опущены. Естественно, Саша, как самый молодой, чаще других приносил с тренировок ведро с шайбами. Баулы таскать — это без разговоров. Когда общая форма была, кто помоложе — те и помогали.

Я напоминаю Ишматову эпизод на десятой секунде полуфинала с финнами, когда Овечкин расплющил силовым

приемом лидера соперников Питканена, и это задало тон всему матчу.

— Да, — кивает тренер с довольным видом. — Он показал, кто есть кто! Был такой популярный старый фильм: «Бей первым, Фредди!» Саша с детских лет понимал: по-другому не выживешь. Он и по сей день этим пользуется. Тем более что у него есть и здоровье, и правильный образ жизни. Это дополнило его мастерство. А врезал он так, что финн в борт улетел. Причем чисто. Потом Саша и победный гол организовал, отобрав шайбу в чужой зоне. Он делал очень большой объем работы. В том же финале он заставлял работать соперника, и канадцы уставали из-за его ведения шайбы. Это стало частью нашей победы, после которой сначала на трибунах была мертвая тишина, а потом все 20 тысяч начали хлопать сборной России.

Но не все в совместной работе Ишматова и Ови было так гладко. Когда я спрашиваю тренера, контактировал ли он с родителями Александра, то слышу неожиданный и острый рассказ:

— Да, был такой момент — когда мы на следующий год заняли пятое место. Тогда собралась команда намного сильнее индивидуально, чем в Канаде. Но появился неожиданный фактор. У шести нападающих, сильнейших в мире — Овечкина, Малкина, Семина и других — пошла индивидуализация, что негативно сказалось на результате. Сказалось влияние импровизаторов, того же Жердева. Трех обыграет, ждет четвертого. Зачем? И это повлияло на многих других игроков, началось то же самое. Вот мне и пришлось после чемпионата поговорить с мамой и папой, чтобы они повлияли на Александра, и он стал играть более правильно — так, как требуют спортивные игры.

— Получилось?

— В 2004 году в Финляндии — нет. Разговор с родителями получился душевный. Особенно мама говорила: мол, мы, конечно, все понимаем... Но там, видимо, среда такая. Агенты пошли и все такое. Я все это откровенно говорил

при всех. Нет, не индивидуально — это не мой профиль. Умный поймет, а принципов менять смысла не видел. Я обращался не только к Саше, но не смог ничего сделать. Может, будущим тренерам этот мой рассказ поможет, не хотелось бы, чтобы они попали в такую неприятную историю. Это была наша грубейшая ошибка. По нападающим состав был очень хорош, восемь-девять боролись за первые номера на драфте. Я это понял только спустя время. Как вскрылось и то, что некоторые уходили в ночную. Но Овечкина это не касается, как и вообще первых шести.

В отличие от Семенова с Билялетдиновым, Ишматов отмечает, что у Овечкина уже имелся мощный щелчок. Видимо, это было заметно на фоне других игроков молодежки, тогда как его коллеги тренировали Сашу в «Динамо» со взрослыми.

— Да, это начиналось уже тогда, — уверен Ишматов. — И Саша этому процессу уделял внимание. Он же сознательный человек, и понимал, что сегодня кормит. Тем более, видимо, у него уже были мысли уехать в Северную Америку. И основное оружие для североамериканского хоккея у него было почти на пятерку. И броски с хода, и кистевые, и главное — удар по шайбе, так называемый щелчок. И силовые единоборства — благо здоровье есть. Он был уже почти готов к НХЛ.

Ишматов проводит явно доставляющую ему радость аналогию: у него, как и у Овечкина, во время игровой карьеры тоже был восьмой номер. «И номер машины — 008!» — добавляет он. И признает, что 700 овечкинских голов в НХЛ — это нечто невообразимое.

— В голове не укладывается. Надо отдать ему должное. Это говорит о том, что целеустремленность у него по сей день есть. А главное — рекорд Уэйна Гретцки, который он, видимо, хочет побить. Имеет право. Саша — пример для подражания молодым, пример того, как профессионально надо относиться к своей работе.

Работай на тренировке и заставляй соперника выматываться в игре.

Шокировал ли Ишматова хет-трик Овечкина американцам в стартовом матче? Конечно, не шокировал. С чего бы?

* * *

В уже упомянутом мною интервью юного Овечкина я спросил его: «Первый номер на драфте НХЛ вам сулят все. Сильно расстроитесь, если все же не станете первым?» Саша начал отвечать сдержанно, но потом его максималистская натура все-таки прорвалась:

«Будет очень хорошо, если я стану первым номером драфта, но если нет — не буду сильно переживать. Сейчас вообще не думаю ни об НХЛ, ни о драфте — а только о том, чтобы помочь «Динамо» выиграть титул чемпиона Суперлиги. Но на самом деле... хочу быть первым номером на драфте. Я всегда и во всем хочу быть номером один».

Овечкин выиграл Суперлигу годом позже, в последнем сезоне перед отъездом за океан. «Вашингтон» или какой-то другой клуб он себе тогда не пророчил, да и вообще не рвался в НХЛ любой ценой.

«Несколько лет назад стал болеть за «Сан-Хосе». Но буду благодарен любому клубу, который выберет меня. И всем тем людям, которые наблюдают за моей игрой и обратили на меня внимание. Но пока я еще не чувствую себя готовым к отъезду в НХЛ. Мне для этого надо здорово прибавить и физически, и психологически. Я буду много работать. Не определял для себя, сколько лет проведу в Суперлиге до НХЛ, это зависит от обстоятельств. Сейчас вообще не думаю об энхаэловских контрактах, деньгах. Только о выигрыше титула в России».

Много лет спустя я попросил его отца вспомнить, хотел ли он, чтобы сына взяла на драфте какая-то конкретная команда.

— Мне было все равно, — покачал головой Михаил Викторович. — Хотел только, чтобы он стал первым номером. Потому что сын этого заслужил. И очень хорошо, что он попал в Вашингтон — замечательный, тихий, спокойный город с отличной атмосферой, болельщиками и, конечно, хозяином клуба.

Овечкин и Тед Леонсис, владелец «Кэпиталз», уже миллион лет не просто босс и его подчиненный-звезда, а друзья. Но для того чтобы это произошло, должен был найтись генеральный менеджер, который игрока мог бы задрафтовать, а потом и дотянуть до нынешнего статуса. Таким человеком стал Джордж Макфи.

С Макфи мы общались в мае 2017 года во время московского ЧМ, после записи телепрограммы «Фетисов». В эпитетах в адрес человека, незадолго до того забившего в НХЛ свой 500-й гол, генменеджер не стеснялся.

— Если кто-то и способен побить рекорд Уэйна Гретцки по голам, то именно Овечкин. Один он — величайший голеадор нашей эры. Великий игрок и великий капитан.

— Вы, как обладатели первого выбора драфта-2004, сомневались, кого брать — Овечкина или Малкина? — спросил я.

— Оба — роскошные игроки, — последовал ответ. — Но Овечкин мне нравился больше. Сравнивали всех, но сочли, что Алекс — уникальный игрок. Человек, который способен забивать голы, как никто другой, и при этом играть в силовой хоккей. Мы не сомневались, что хотим его взять.

— Это было ваше личное решение?

— Да.

Макфи не ограничился тем, что задрафтовал Овечкина. В интервью партнер Александра по звену в первом его сезоне за «Вашингтон», Дайнюс Зубрус, рассказал:

— Сразу после приезда Саша поселился дома у генерального менеджера «Кэпиталз» — кажется, недели на две. А я жил от него далеко, и еще перед лагерем заезжал, брал

Сашу на тренировки. У Макфи он жил, потому что был задрафтован под первым номером и клубу важно было ему помочь. Джордж его уже знал, и до, во время и после драфта сто раз, наверное, с ним встречался. Обычно клуб начинает платить за игрока в гостинице за два-три дня до начала тренинг-кемпа. А Саша приехал за одну-две недели. И вместо того чтобы оставить его одного где-то в отеле, откуда он будет добираться на тренировки черт знает как, генеральный взял его к себе.

Такие вещи ведь тоже не забываются. Когда только приезжаешь в другую страну, язык знаешь через пень-колоду, в менталитете и культуре вообще ни бум-бум — ты психологически в этот момент сильно уязвим. Помощь и участие важны как никогда. И ты всегда будешь благодарен людям, которые будут рядом с тобой в такое время.

Однажды Макфи обратился к главе отдела коммуникаций «Вашингтона» Курту Келю с просьбой отвезти Овечкина, только-только приехавшего в Северную Америку, на тренировку. Туда пришли опытные игроки — вратарь Олаф Колциг, форвард Джефф Хэлперн. Они никогда не видели его в деле.

— Каждый шаг его был слышен. Он не был самым изящным хоккеистом с точки зрения катания. Не похож ни на Марио Лемье, ни на Алексея Ковалева, — вспоминал Кель. — Чистая мощь и бьющая через край энергия. Я никогда не видел и даже не слышал ничего подобного. Звук от его коньков разлетался по всей арене. А затем он нанес несколько бросков. Помню, как Хэлперн посмотрел на меня: «Что это за чудеса?»

После той тренировки Кель вернул Овечкина в руки Макфи, который за полдня соскучился по нему, как по собственному ребенку...

И надо же такому случиться, что 13 лет спустя именно Макфи будет генеральным менеджером «Вегас Голден Найтс», с которым «Вашингтон» Овечкина встретится в первом для Саши финале Кубка Стэнли. И Александр

огорчит человека, который когда-то сделал ему столько добра. Но это спорт, и в нем не может быть сантиментов.

Вот что все-таки такое — судьба. В январе 2016-го я со студентами спортивного менеджмента российской бизнес-школы RMA побывал на стажировке в Канаде, и генеральный менеджер «Монреаля» Марк Бержевен во время беседы с нами привел пример нюанса процедуры драфта: «Алекс Овечкин родился 17 сентября, и согласно существующим правилам он на два дня опоздал, чтобы попасть на драфт 2003 года. И тогда бы он достался не «Вашингтону», а другому клубу».

В данном случае интереснее всего — кому. «Питтсбургу»! Ведь первым номером драфта, предшествовавшего овечкинско-малкинскому, стал голкипер Марк-Андре Флери. Вдуматься только: роди двукратная олимпийская чемпионка Татьяна Овечкина двумя днями раньше — и «Пингвины», многолетнее проклятие Ови и «Вашингтона», могли бы стать многолетним пристанищем суперфорварда. И играли бы они с Кросби и Малкиным в одном клубе, и на него бы в Стальном городе молились, а не ненавидели, и, быть может, Кубок Стэнли, который долго ускользал из рук Овечкина, побывал бы в них намного чаще. И никто не противопоставлял бы его личные достижения командным...

И вот вам причудливый, как выразился бы Набоков (не вратарь Евгений, а писатель Владимир), узор судьбы. Свое тысячное очко уже на 35-й секунде матча Овечкин набрал, красиво забив... «Питтсбургу»! Ворота которого защищал, как вы уже, вероятно, догадались, Флери.

А вот еще один узор, который больше подошел бы не мастерам клюшки и шайбы, а Остапу Бендеру. За год до драфта-2004 Майк Кинэн, известнейший тренер, один из двух наряду с Бобом Хартли обладателей Кубка Стэнли и Кубка Гагарина, а в тот момент — генеральный менеджер «Флориды Пантерз», попытался заполучить Овечкина в девятом раунде под общим 256-м номером. До драфта

«В БОЮ
ТЕМПЕРАТУРУ НЕ МЕРЯЮТ».
ОВЕЧКИНА ВОСПИТЫВАЛИ
ИМЕННО ТАК.

допускались игроки, родившиеся не позже 15 сентября 1985 года, Ови же родился 17-го. Кинэн заявлял, что из-за четырех високосных годов Александру исполняется восемнадцать лет не 17-го, а 13-го. Но попытка Железного Майка обвести всех вокруг пальца провалилась, и Овечкина, как и планировалось, драфтовали в 2004-м.

Интересная деталь: когда «Вашингтон» задрафтовал Александра под общим первым номером, мама хоккеиста сразу позвонила тогдашнему мэру Москвы Юрию Лужкову.

— Юрий Михайлович помогал моей команде восемь лет, когда было тяжелее всего, — рассказывает Татьяна Николаевна. — Перестройка, потом развал Союза, все разъехались за большими деньгами. А я одна осталась в команде, и ее надо было сохранить. Я в «Динамо» выросла, как могла ее бросить? И Лужков вместе с Иосифом Кобзоном, к которым я обратилась за помощью, прониклись таким чистосердечным, человеческим пониманием к нашим проблемам, что я всегда буду им благодарна. В годы, когда было очень тяжело содержать и команду, и семью, мэр Москвы подставил плечо. И Саше он всегда помогал, давал правильные советы. Я очень-очень благодарна этому замечательному человеку — так же, как и Иосифу Давыдовичу. Потому после драфта тут же позвонила Юрию Михайловичу и потом всегда поздравляла с днем рождения и всеми праздниками.

* * *

Перед локаутным для НХЛ сезоном-2004/05, который окажется для доэнхаэловского Овечкина последним, в «Динамо» поменялся тренер — Билялетдинов принял казанский «Ак Барс», в котором собралась невообразимая куча суперзвезд из разных стран, а бело-голубых возглавил Владимир Крикунов. Тот самый тренер, что во главе сборной Беларуси на Олимпиаде-2002 в Солт-Лейк-Сити учинил